

В.А. ЖУКОВСКИЙ И ШВЕЙЦАРИЯ: О ГЕНЕЗИСЕ ИСТОРИСОФСКИХ МОТИВОВ ПОЗДНЕЙ ПРОЗЫ РОМАНТИКА

Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 13-34-01228).

Рассматриваются взаимные контакты В.А. Жуковского с немецко-швейцарским миром в широком историко-культурном контексте. Впервые предметом исследования выступает многолетний творческий диалог русского поэта с наставницей Александры Федоровны, швейцаркой М.М. Вильдермет. В эпистолярных посланиях фрейлины к воспитателю наследника 1830-х гг. выявляются мотивы и образы, характерные для историсофского дискурса Жуковского-прозаика в конце 1840 – начале 1850-х гг.

Ключевые слова: В.А. Жуковский; Швейцария; эпистолярный; М.М. Вильдермет.

История литературных связей России и Швейцарии XVIII–XIX вв. получила свое методологическое осмысление в фундаментальном исследовании Р.Ю. Данилевского «Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв.» (Л., 1984). Уже в предисловии автор констатировал: «Чаще всего швейцарских писателей отождествляют с немецкими, да и сами они – от Галлера до М. Фриша – не могли обойтись без широкой немецкой аудитории, без издателей и критики других немецкоязычных стран. Эта традиция имела свою историческую основу: национальные особенности швейцарской культуры, ее эстетическое и идейное своеобразие были впервые осознаны просветителями немецкоязычного Цюриха, а корни ее уходили в германское средневековье» [1. С. 5].

Это пояснение позволяет острее почувствовать интерес русского поэта к вопросам общественной жизни, истории, культуры Швейцарии не только как к особому ментальному тексту, но и как к органической части немецкого мира. Особое место в этой глубинной связи швейцарско-германских впечатлений и рефлексии поэта занимает его неиссякаемый интерес к педагогической мысли Швейцарии. В период своей интенсивной педагогической деятельности он не только изучает классические труды И.Г. Песталоцци, Ф.Э. Фелленберга, беседует со швейцарскими педагогами Ф.Ц. Лагарпом, И.Г. Тоблером, но и находится в дружеских отношениях с организатором частного пансиона в Петербурге пастором Иоганном фон Муральтом, «апостолом Песталоцци» [1. С. 33–36; 2. С. 420–426], считает своим сподвижником по воспитанию наследника Ф.А. Жилия [3. С. 28–84].

Одним словом, Швейцария органично вписалась в германофильство Жуковского как родина педагогической науки. Ее лучшие представители и их идеи истинно отвечали «нравственным убеждениям» [1. С. 34] лучших представителей русского общества, в том числе В.А. Жуковского.

Швейцарская тема ярко реализовалась в художественном творчестве поэта – в оригинальных и переводных, прозаических и поэтических сочинениях. Впервые поэт обратился к ней опосредованно, окончив в 1802 г. перевод французской повести Ж.П.К. Флориана «Вильгельм Телль». Повесть «Вильгельм Телль, или освобожденная Швейцария» относится к первым прозаическим опытам романтика и обнаруживает комплекс характеристик оригинальных прозаических текстов этого

времени: углубление психологизма наряду с относительной схематичностью нарратива. Обратиться к этому материалу Жуковского заставил интерес к истории и категории национальной идентичности как таковой, к процессу самоопределения героической личности в окружающем ее обществе, а также неизменное стремление романтика к назидательному изображению добродетели. Образ Вильгельма Телля и сопряженной с ним темы освобождения народа, народного сознания займет значительное место в его дневниках путешественника в связи с открывшейся ему воочию страной; национальный герой станет воплощенным символом Швейцарии. Во время путешествия 1821 г. Жуковский целенаправленно стремится посетить знаковые места, связанные с легендой о Телле: «...я ходил в Бюрглен, место рождения Телля»; «Мы поплыли к Теллевой часовне (Tellsplatte)»; «Я возвратился той же дорогою, и из Веггиса поплыл в Кюснахт, чтоб видеть die hohle Gasse, где Вильгельм Телль застрелил Геслера» [4. С. 199]. Эти фрагменты, как и описание часовни, воздвигнутой на родине героя, включаются поэтом в «Отрывки из письма о Швейцарии» и входят в контекст размышлений о «местах славы отечественной».

Будучи редактором «Вестника Европы», Жуковский охотно обращается к наследию швейцарских современников-ученых. Самые яркие из них – популярный физиогномист И.К. Лафатер, историк И. Миллер, педагоги И.Г. Песталоцци и Ф.Э. Фелленберг – нашли свое место на страницах журнала, выпускавшегося Жуковским, а также в его обширном книжном собрании [5–7]. Литераторы Швейцарии также оставили свой след в кругу интересов русского романтика, особой симпатии удостоился Р. Тёпфер, сочинения которого Жуковский охотно читал в 1840-е гг. Образ литературной Швейцарии оказался связанным в ассоциативном поле Жуковского-путешественника и с «Шильонским узником» Д.Г. Байрона и «Новой Элоизой» Ж.Ж. Руссо. Очевидно, русский романтик воспринимал страну сквозь призму европейской культуры в целом.

Оригинальный швейцарский сверхтекст жизне-творчества Жуковского начинает складываться в 1821 г. в связи с первым посещением страны. Поэтическое обращение к Швейцарии, выразившееся в стихотворении «Гельвеция, приветствую тебя», содержит в себе противоречивую квинтэссенцию романтического топоса, запечатлевшегося в сознании поэта. Сопряжение противоположных чувств и настроений

(«Передо мной и слава и покой, // Волнение и радость вожделья // И мятежей сердечных испугелья, // И счастье с туманною главою»), соединение несовместимых начал образуют лирико-эмфатическую ткань текста обращения. Финальное вопрошание («Куда зовет призывное стремление, // Почто теперь во мне и скука и волнение?») подчеркивает неразгаданность и необъяснимость того переживания, которое охватывает лирическое Я и ярче всего определяется романтическим концептом «томления», «Sehnsucht» («Безмолвствую в стремлении чудесном»). Эмблематически зафиксированная в стихотворении мифопоэтическая сущность локального текста развернется в натурфилософии и живописи поэта, вдохновленного швейцарской природой.

Первое путешествие по Швейцарии было ознакомительным, русский романтик шел по следам своего предшественника Н.М. Карамзина. Как замечает исследователь, «впечатления Жуковского были скорее внешнего порядка; привычное представление о благополучной Швейцарии вполне его удовлетворило» [1. С. 142]. Однако уже в первом вояже наметились особенности восприятия Швейцарии, отличавшие дискурс Жуковского-путешественника от тревелогов его предшественников, просветителей и сентименталистов. Неизменный швейцарский миф («идеализированный образ жизни народа и величественно-прекрасный пейзаж» [8. С. 167]) заинтересовал его как романтика в силу внутреннего созвучия собственному мироощущению.

По-настоящему понять и развернуть свое восприятие Швейцарии Жуковскому удалось в 1832–1833 гг., когда он, отчасти по причине болезни, должен был на долгое время остаться в стране. Въезжая в Цюрих, поэт записал в дневнике: «Чувство великого и прекрасного от того так мучительно, что желал бы с ним слиться: жажда при виде Рейна, стремление при виде белых Альпов – музыка, поэзия» [4. С. 330]. Результатом нового путешествия стала сформулированная им в прозе «горная философия» и новый этап поэтического творчества, выразившийся в переводах баллад «Братоубийца», «Плавание Карла Великого», «Роланд Оруженосец», «Рыцарь Роллон», «Уллин и его дочь», «Элевзинский праздник»; повестей «Суд в подземелье»; «Нормандский обычай», «Ундина» и др., которые также принадлежат к швейцарскому сверхтексту Жуковского.

Ценностно-смысловой доминантой швейцарского сверхтекста Жуковского стало романтическое творчество в широком смысле, объединяющее противоположные начала, романтическое «там» и действительность; быт и бытие, живопись и литературу, философию и эстетику. Созерцание картин природы и швейцарской жизни рождает в мировоззрении поэта желанную гармонию. Ср., например: «В Швейцарии понял я, что поэтические описания блаженной сельской жизни имеют смысл прозаически справедливый» [4. С. 343]; «Ничто не может быть очаровательнее этой противоположности: вдруг после густого мрака пещеры, видишь светлую, окруженную зелеными холмами долину, и в глубине ее веселая деревня» [4. С. 344]; «Какое разнообразие в зрелищах!» [4. С. 349]; «Противоположность запада и востока: покрывало от дождя, белая

полоса, где кончится вода и начинается земля» [4. С. 352]; «Облака огненные вдруг черные...» [Там же].

Швейцария не знала романтизма и надолго задержалась в своем культурном развитии на идеях Просвещения, импониовавшего ее мыслителям, которые определили развитие европейской педагогики. Пафос назидательного просветительства интенционально содержится и в швейцарском сверхтексте Жуковского. С одной стороны, проза его германо-швейцарских путешествий предназначалась его царственной ученице императрице Александре Федоровне, с другой, «Отрывки» как «программа эстетики и поэтики новой прозы» адресованы всей русской словесности в качестве скрытого поучения. Наконец, в «подтексте» идейно-эстетического комплекса, связанного в жизнетворчестве романтика со Швейцарией, находится фигура фрейлины М.М. Вильдермет, многие годы наставлявшей и поддерживавшей Жуковского.

Гувернантка принцессы Прусской Шарлотты, в замужестве вел. княгини Александры Федоровны, фрейлина Мария Маргарета (Цецилия Александровна) Вильдермет (1777–1839) приехала в Россию вместе с юной воспитанницей в 1817 г. Она была старше своей подопечной более чем на двадцать лет и заботилась о ней с 1805 г. Когда в 1810 г. ушла из жизни королева Луиза, Вильдермет фактически заменила ей умершую мать. Александра Федоровна относилась к наставнице с глубокой теплотой, в воспоминаниях и опубликованных письмах к Жуковскому она называла ее не иначе как «моя добрая Вильдермет»: «Меня сопровождали из Пруссии графиня Трухзес, в качестве обер-гофмейстерины, графиня Гаак, рожденная Тауенцен, и моя добрая Вильдермет»; «Мои прислужницы-пруссачки убрали мою кровать цветами, а добрая Вильдермет поднесла мне букет из роскошнейших белых роз» (из воспоминаний о дне бракосочетания с будущим Николаем I); «Добрую Вильдермет вы найдете еще у меня» (из письма Жуковскому от 30 августа 1827 г.); «Добрая Вильдермет прислала мне одно из ваших писем к ней» (из письма Жуковскому от 8 февраля 1833 г.) [9].

В отечественной гуманитарной науке сложилось ошибочное представление о замужестве фрейлины, основанное на искаженных фактах из биографии известного немецкого драматурга, профессора немецкой литературы и истории Э.В.С. Раупаха (1784–1852), высланного из России в 1822 г. за связь с декабристским движением. В 1816 г. он действительно женился на некоей швейцарке Цецилии Вильдермет, однако в следующем же году она умерла при родах. Фрейлина принцессы Прусской прибыла в Россию лишь в 1817 г., и до конца дней ее именовали «m-lle Вильдермет», что подчеркивало ее незамужнее положение.

Прибыв в Россию, Вильдермет осталась учительствовать при дворе, собрав для будущей императрицы команду лучших педагогов. Скорее всего В.А. Жуковский познакомился с ней в 1817 г. в Москве, и вскоре между ними завязались уважительные дружеские отношения. Спустя три года поэт и фрейлина, путешествуя по Германии в свите Александры Федоровны, имели возможность ближе узнать друг друга, 2 ноября 1820 г. Жуковский записал в дневнике: «У великой

княгини. Первый урок. Хотел ехать с визитами... но засиделся у M-elle Wildermeth. Мы проговорили часа полтора: о великой княгине, о путешествии. У ней много ума и при нем есть какое-то детское простосердечие. <...> ...она более, нежели кто-нибудь, удалена от интриги» [4. С. 147–148]. Схожее мнение высказывала о романтике сама Вильдермет. По воспоминаниям А.О. Смирновой-Россет, она часто говорила: «Joukof-fsky fait souvent des bévues; il est naïf, comme un enfant» (Жуковский часто попадает впросак; он наивен, как дитя) [10. С. 151]. Это очевидное сходство характеров сыграло не последнюю роль в их многолетних контактах.

Берлинские дневники Жуковского 1821–1822 гг. перестят упоминаниями о поездках к Вильдермет и ее ответных визитах. В связи с придворным праздником на сюжет поэмы Т. Мура «Лалла Рук» фигура фрейлины неразрывно соединяется в творческой биографии Жуковского с образом ее воспитанницы и подруги Александры Федоровны в новом свете. Вильдермет как активная участница «несравненного праздника» вошла в круг разделивших с Жуковским это важнейшее для него событие, которое стало символом целого периода его жизнетворчества и «эстетически-смысловым центром целого комплекса текстов» [11. С. 600]. Спустя более пятнадцати лет после торжества, накануне смерти Вильдермет Жуковский писал великой княгине Марии Николаевне: «...воспоминания о прошлом Берлине я не могу отделить от воспоминания о празднике Лалла Рук, <...> который был для меня каким-то очарованием и к которому принадлежали многие из тех, коих уж я не могу доискаться в нынешнем Берлине» [12. С. 332].

Во время первого заграничного путешествия в ноябре 1821 – январе 1822 гг. поэт регулярно бывал в компании фрейлины и ее близких подруг – хозяйки берлинского салона, кухни известного писателя Марии фон Клейст, ее дочери Л. Стош, которую ласково называл Лулу; а также поэтессы Г. Штегеман (в замужестве фон Ольферс). Взаимная симпатия к этим четверым дамам получила яркое воплощение в биографии и творчестве романтика. Мария фон Клейст спустя несколько лет благословила его на перевод «Наля и Дамаянти», об увлечении поэта ее дочерью сохранились мемуарные свидетельства [4. С. 498], а Гедвига фон Штегеман вдохновила его стихотворением «An die Grossfürstin Alexandra als Lalla Rookh» на создание манифеста русского романтизма «Явление поэзии в виде Лалы Рук». Для участниц берлинского кружка сам Жуковский навсегда остался придворным Лаллы Рук. Так, Гедвига фон Ольферс писала своему мужу 10 октября 1827 г.: «Сделанная им (Ал.И. Тургеневым. – Н.Н.) характеристика Жуковского, его бескорыстия, чистоты его души, сохраненной в недобром окружении, была поистине трогательной и вместе с тем юмористической. Трудно, однако, поверить, что двор Лаллы Рук является обычным двором, и не так-то легко, находясь при нем, остаться верным самому себе» [13. С. 254].

Мадмуазель Вильдермет из всех четверых была наиболее тесно связана с Жуковским. Судя по дневниковым записям романтика, попечительница Александры Федоровны в период пребывания его в Берлине чаще остальных выступала устроительницей вечеров и

была его неизменной спутницей на приемах и выездах на природу. Вместе они занимались рисованием, посещали театр, читали, разговаривали о литературе и политике. Воспоминания об этих беседах постоянно возникают в их эпистолярном общении начала 1830-х гг. «Эти искренние, открытые и настоящие беседы, – пишет Вильдермет поэту, – которые могут быть у меня только с Вами. Все, что я бы Вам сказала, я вынуждена хранить в себе, так как не могу, да и не имею желания говорить это кому-либо, кроме Вас» [16. Л. 1об.]. Среди прочего фрейлина и поэт не могли не обсуждать первого швейцарского путешествия, предпринятого в мае 1821 г., однако центральное место в заграничном вояже Жуковского 1821–1822 гг. занял Берлин и образ Лаллы Рук. В 1840 г., спустя всего год после ухода из жизни мадмуазель Вильдермет, он писал императрице Александре Федоровне: «Я не думал никого произвольно вспоминать; но вслед за этою картиною праздника, именно те, которые тогда были и которых теперь нет, как будто сами слетелись со всех сторон на поминки и тенями мимо меня проехали. Наша идеальная пери с своим прекрасным ангелом, ее несравненная мать, наша добрая Клейст, меня тогда усыновившая, наша Вильдермет, которую никогда мое сердце не забудет» [14. С. 674].

Первое из сохранившихся посланий фрейлины относится к 1821 г., оно было передано адресату накануне первого швейцарского вояжа и представляет собой сопроводительное послание, содержащее вполне конкретные рекомендации относительно маршрута путешествия в общем и отдельных поездок по ее родине. Французский текст впервые опубликован П. Брангом в его исследовании о пребывании Жуковского в Швейцарии [15]. Фрейлина дает следующие указания: «Из Женевы Вы можете поехать в дилижансе до Бонневиля и дойти до Шамуни пешком. В таком случае нужно взять верховых лошадей до Сан Бернара. Спуститься пешком до Аосты и там Вы встретите жителей Вале, которые Вас отвезут в Милан, на экипаже до озера Маджоре, пройдя пешком в Симплон, наконец, можно приехать на экипаже через Вале и Лозанну до Берна. В экипаже до Туна, по воде в Унтерзеен, на шарабане до Гринденвальда. Верховом на вершину Шайдека и спуститься пешком [...], спуститься по Гримселю и льду Роны пешком. Верховом через Вале, если будет достаточно времени. Было бы лучше пойти пешком до Бриенца (так как дороги отвратительны) и взять там экипаж, подняться на Гемми и спуститься пешком, поехать на шарабане из Кандерштега до озера Бриенца, верхом в Сарнен, затем пешком. [...] До Риги Кюснахта пешком. Из Швица до Бруннена можно поехать на шарабане. Подняться верхом на Святой Готтхард. Итак, до Глариса пешком. И затем в экипаже вернуться в Цюрих. Вы можете оставить Ваш экипаж в Вале, в Швейцарии нужно подсчитывать все, путешествуя со слугой, для лошадей или для экипажа; гиды берут луидор, для других в [...], постоянные дворы так много, что достигает от 1 1/2 до 2 луидоров в день. [...] за 2 лошади полтора луидора. Для гида 2 новых эку в день, включая обратную дорогу. [...] Желаю Вам хорошего путешествия и счастливого возвращения. Вильдермет» [15. С. 94].

Итак, первой встречей с Гельвецией, такой, какой она случилась, русский романтик в определенной мере был обязан М.М. Вильдермет, что не могло не сблизить их еще больше. Известия о впечатлениях Жуковского, поэта и рисовальщика, от этого путешествия до фрейлины Александры Федоровны, конечно, доходили в первую очередь. В их дальнейших контактах и переписке судьба страны является вторым после русской царской семьи лейтмотивом.

Второе из сохранившихся посланий фрейлины датируется 14 декабря 1826 г., Жуковский получил его в Германии, где после назначения наставником Александра он поправлял здоровье, работал над планом обучения, конспектировал историю немецкой литературы и готовился отправиться в Берлин, связавший его с Вильдермет дорогими воспоминаниями. Фрейлина, вернувшись из родной Швейцарии в Россию, сообщала поэту последние новости о берлинских знакомых и русской императорской фамилии. Главным образом Вильдермет сожалеет об отсутствии в Петербурге самого Жуковского: «*Это как свет, которого мне не хватает, потому что Вас здесь нет. Мне кажется, что я в темноте*» [16. Л. 10б.]. Во время этого заграничного путешествия о теплых чувствах Вильдермет к поэту пишет из Петербурга и Царского Села А.А. Воейкова. Так, в письме от 3 ноября 1826 г. читаем: «*Милая Wildermeth так умеет тебя ценить!*» [17. С. 16]; спустя месяц: «*Она тебя любит так, что право один Перовский здесь больше. <...> С нею для меня самое большое наслаждение*» [17. С. 18]. Сама Вильдермет пишет ему: «*Вы поймете меня, если я скажу Вам, что мне очень недостает Вас здесь, где я не вижу возможности обходиться без Вас...*» [16. Л. 10б.].

Спустя пять лет в своем духовном завещании 1831 г. Жуковский отдельным пунктом определил Вильдермет наследницей писем к нему Александры Федоровны, а также «живописной картины, представляющей Мадонну со Спасителем на руках» [18. С. 110]. В том же пункте своей духовной поэт поручил фрейлине быть посредницей в его дружбе с берлинским кружком дорогих ему дам: «*В той шифоньере, на коей стоит бюст Шиллера, находятся две живописные картины, а между книгами есть маленькая поэма "Nal i Damaiani" с надписью г-жи Клейст. Я желал бы, чтобы они были отысканы и отданы M-elle Wildermeth, с тем чтобы книжку она переслала графине Stosch*» [18. С. 110]. Как установлено Л.Е. Мисайлиди, речь скорее всего идет о копии с «Сикстинской Мадонны» Рафаэля [18. С. 120]. Известно, что фрейлина небезуспешно занималась живописью, Александра Федоровна особенно любила эту картину, а Жуковский посвятил шедевру Рафаэля свое известное сочинение. Из мемуаров ее дочери великой княжны Ольги Николаевны об уютном будуаре Александры Федоровны следует, что над ее письменным столом среди прочих изображений, «священных по воспоминаниям, совершенно независимо от художественной ценности», рядом висели «два ангела Сикстинской Мадонны, голова Христа, написанная мадемуазель Вильдермет (швейцаркой, гувернанткой Мама), два портрета – Саши и Мэри, акварелью» [19]. Завещанные ценности определенно символичны и раскрывают подтекст взаимоот-

ношений поэта и фрейлины, а именно их общее, жизненно важное переживание, связанное с императрицей Александрой Федоровной и престолонаследником, с родительской заботой о судьбе правящей династии. Шедевр Рафаэля, изображающий идущую к людям царицу небесную с сыном на руках, обретает в контексте диалога двух наставников вполне определенный аллегорический смысл.

После отъезда фрейлины на родину возможность продолжительного личного общения с ней вне императорской семьи выпала Жуковскому осенью 1832 г. В сентябре он задержался на несколько дней в Берне, поблизости от Бомона, где жила Вильдермет. Среди записей Жуковского находится необычно распространенное для его дневникового стиля описание ее жилища (от 14 сентября 1832 г.). В творческий кружок, образовавшийся вокруг Вильдермет и Жуковского во время его пребывания в Берне 1832 г., помимо прочих входили все та же Г. фон Штегеман (Ольферс) и кузен М. Вильдермет Фридрих. В этой компании Жуковский много занимается рисованием и изучением живописи, посещает театр и совершает прогулки. В библиотеке романтика сохранилось немецкое издание стихотворений и переводов «молодого Вильдермета», как называли его старшие члены этого общества в своих письмах и дневниках, под заглавием «Волга и Аар» (СПб., 1838. 64 с.). Сборник, очевидно, был создан под влиянием Жуковского, в компании которого его автор провел многие вечера и совершил незабываемую поездку в швейцарский Берн, во время которой они вместе посетили Эльфенау и любовались видом на Аар [19].

Из писем Вильдермет к Жуковскому следует, что они встречались также в октябре 1832 г., когда поэт посетил ее в Бомоне, с ответным визитом она была у него в начале 1833 г. Из переписки Г. фон Ольферс, опубликованной Д. Герхардтом среди других немецких воспоминаний о Жуковском, явствует, что он вновь посещал Вильдермет в 1834 г. Их имена неотрывно соседствуют в письмах поэтессы к мужу, к Марии фон Клейст и ее дочери [13]. За год до переселения Жуковского в Германию, в 1839 г., госпоже Вильдермет суждено было уйти из жизни. Жуковский пережил Вильдермет на тринадцать лет.

Сохранившиеся в отдельном деле ОР РНБ двадцать французских писем Вильдермет к Жуковскому заслуживают специального внимания. Послания датируются 1826–1833 гг., при этом большая их часть (шестнадцать из двадцати) написана в период пребывания поэта в Швейцарии в начале 1830-х гг. В самых интересных письмах фрейлины из родного ей Бомона прочитывается желание быть полезной, сопровождать и помогать поэту во время жизни в Швейцарии так же, как он сопровождал ее в России. Письма полны наставлений и практических советов относительно здоровья и лечения Жуковского. Общая хронология переписки выглядит так: первое письмо – от 14 декабря 1826 г., второе написано спустя год (13 декабря 1830 г.), третье – 9 февраля 1831 г.; 10 писем посланы в 1832 г. (б.д., 27 августа, 21 сентября, 2 октября, 11 октября, 3 ноября, 12 ноября, 14 ноября, 12 декабря, 26 декабря), 6 посланий – за 1833 г. (28 января, 13 марта, 4 апреля, 22 июня, 28 июня, 3 июля), а также сохранилось одно письмо без

даты, которое по содержанию можно отнести к концу 1830 – началу 1831 г. Реконструируя данный эпистолярный сюжет, можно с уверенностью говорить о том, что это далеко не все ее письма к Жуковскому.

О местонахождении ответных посланий наставника Александра II известно немного. На сегодняшний день известно лишь одно из писем Жуковского, адресованных фрейлине, и обнаружено оно как раз в бумагах императрицы. Атрибутированное О.Б. Лебедевой послание [20. С. 529–534], предположительно относящееся к июлю-августу 1828 г., дает представление о характере эпистолярного диалога двух наставников и открывает факт посредничества Вильдермет в отношениях Жуковского с императорской фамилией в непростой ситуации.

Отдельно следует сказать о почерке и стиле письма швейцарки – они едва ли не более сложны, чем у самого поэта. Тексты Вильдермет отличает «рваный» синтаксис, отсутствие деления на смысловые абзацы, предложения и фразы, отделять части своей письменной речи фрейлина предпочитает многоточием. Вкупе с трудно разборчивым поспешным почерком это позволяет определить ее тексты как зафиксированную на бумаге устную речь, непосредственное и живое обращение к адресату, не связанное четкими правилами языка или долгой предварительной рефлексией. Вот как сама фрейлина пишет об этом в послании от 13 декабря 1830 г.: *«Когда Вы распечатаете это письмо и увидите мой плохой почерк, Вы вспомните о своей старой знакомой. Но какое дать ей имя? У вас столько знакомых, которые плохо пишут. В таком случае я Вам скажу, что искать нужно в Швейцарии»* [16. Л. 5]. Подобный стиль письма не ограничивает распространенные пассажи Вильдермет, дает возможность свободно размышлять на бумаге, как в непринужденной беседе, о политике, истории и природе, о себе и мире, прошлом и будущем.

Оба адресата как будто пытаются следовать принципу выделения «своего» в «чужом», сформулированному Жуковским-переводчиком. Именно поэтому романтик выступает в письмах фрейлины исключительно как педагог, мыслитель и наставник, она мало пишет о занятиях литературой и искусством, зато вполне ясно выражает свои мысли о его высокой миссии, узнав о назначении наставником Александра: *«Вы больше не принадлежите даже самому себе. Нужно постараться стать эгоистом и думать только о своей особе, которая принадлежит Государству»* [16. Л. 1 об.]. И наследника она называет ребенком Жуковского, воспринимая так же близко и свою подопечную, мать Александра. Побывав в очередной раз гостях у императорской семьи, она сообщает находящемуся в отъезде поэту: *«Ваш ребенок, цесаревич Александр – очарователен, красив как ангел, талантлив, послушен, прилежен и выполняет все уроки с удовольствием, доставляя тем самым радость своему окружению»* [16. Л. 3].

Александра Федоровна и ее дети оформляют в переписке двух придворных учителей облик России. Воспринимая с должной серьезностью задачу Жуковского, Вильдермет в полной мере разделяет ее и так же критично относится к собственной роли наставницы членов императорской семьи: *«...часто мы их защища-*

ем, но не развиваем, как развивает практический опыт, этот великий учитель» [16. Л. 9]. Сходные размышления о высокой ответственности воспитателя находятся в послании Жуковского: *«Бог все сделал для человека, наделив его обязанностями. Все остальное второстепенно. Обязанности – это бриллиант; остальное, радость или несчастье, служит лишь его оправой. Я доволен своим бриллиантом, и я мало забочусь о том, что его оправляет»* [16. Л. 9]. Образ России не является предметом полемики, в исследуемых письмах Россия воплощается в лицах и выступает как территория близкая, «освоенная», но не «своя», «другая». В роли «своей» территории естественно выступает родная для фрейлины Швейцария, глубоко впечатлившая и многие годы вдохновлявшая русского поэта. Образ этой «очаровательной страны» обнаруживает в текстах Вильдермет черты эдема, рая на земле, настоящего дома, куда она неустанно приглашает Жуковского: *«Вы не найдете здесь ни дворца, ни замка, приготовленных, чтобы Вас встретить, а очень маленький и очень простой домик, который заставит Вас совсем забыть Ваш роскошный Зимний Дворец»* [16. Л. 16 об.]. Вильдермет сравнивает Россию, которая ей «всегда казалась далекой и чужой страной», со своей родиной, это естественное желание судить о «другом» по собственному опыту определяет построение идентичности своего пространства. Россия, а именно все тот же придворный свет, постоянно возникает в контексте размышлений о Швейцарии. Например, описание своего дома Вильдермет заканчивает следующим противопоставлением: *«Вот такой эрмитаж, в котором я живу и лето, и зимой, где я нашла покой, здоровье и храню свои воспоминания, которые украшают мою жизнь... – Когда я сравниваю этот образ жизни с тем, который я всегда вела при дворе, я лишь осознаю, что такое уединенное существование может подойти всякому, кто так же привык к высшему свету. Та столь бурная жизнь вызвала у меня невероятную потребность в отдыхе. И постоянное чувство этой нужды, как морального, так и физического плана, властвует надо мной»* [16. Л. 12].

Вольно или невольно следуя примеру фрейлины, Жуковский в начале 1830-х гг. нашел в Швейцарии именно прелесть покоя и уединенной жизни, располагающей к творчеству. Однако к 1830–1840-м гг. природа и искусство для романтика становятся символом не только духовной, но и общественной жизни. «Горная» философия Альп и страсть к путешествиям в первую очередь являются ответом на те потрясения, которые переживала Европа и, в частности, Швейцария. Тема свободы и революции, народа и власти, идея божественного промысла в истории задаются в эпистолярном диалоге Жуковским и камертоном звучат в ответах фрейлины, уже не стесненной придворным положением и потому свободной в выражении собственных мыслей. Например, 9 февраля 1831 г. она пишет, выражаясь достаточно резко о положении в немецком мире: *«Вовсе не беда народов и не стремление к самосовершенствованию привели к изменениям, которые мы видим... Преграды сломлены. <...> Все, что есть святого, попорно... все верно, в стране есть истинная почва для свободы – в кантонах, самых счастливых и нахо-*

дящихся под наибольшим покровительством законов и родного государства, но именно там все разрушено, так как существовало препятствие, а любое препятствие рассматривается как покушение на права народа ...нет, мы видим сейчас карикатуру всех этих прекрасных идей, которые подняли столько благородных и великодушных, для которых настоящим фундаментом были лишь политические химеры государства, не связанного с людьми и с теми вещами, которые, как Вы верно сказали, пребывают в хаосе, который мы видим сейчас. Нет другого выхода, как делать то, что должно, а остальное нужно предоставить Богу. Вот он – гибельный Гордиев узел. Каждый видит положение вещей под своим углом зрения... и действует в соответственном направлении. Всегда говорят о требованиях времени, которым нужно следовать и к которым следует приспособливаться... Я же настаиваю на том, что нужно уметь управлять этим и не подчиняться этому...» [16. Л. 14].

Метафора лавины, возникающая в ее тексте, эхом откликнется в «вулканической» образности поздней прозы романтика. В унисон звучат строки Жуковского из письма великому князю Александру Николаевичу (от 29 февраля 1848 г.), вошедшие в статью «Что будет?», и развернутый пассаж из письма фрейлины к поэту (созданный 13 декабря 1830 г., в период, который можно назвать извержением этого самого европейского вулкана политических потрясений в Швейцарии):

Вильдермет

Жизнь такая, какая она есть, очень насыщенная, но вовсе не доставляет удовольствия. Мне кажется она лавиной, которая давно сформировалась. Она стала гигантской, она достигла наивысшего пика, и ее огромный вес получил толчок, который заставил ее двигаться. Это движение задавалось со всех сторон. Чувствовалась опасность. Опоры подготовлены, но они не имеют ничего общего с величиной лавины. Она должна низвергнуться [16. Л. 8].

Жуковский

Мы живем на кратере вулкана, который недавно пылал, утих и теперь снова готовится к извержению. Еще первая лава его не застыла. А уже в недрах его клокочет новая, и гром вылетающих из бездны его камней возвещает, что она скоро разольется. Одна революция кончилась, другая вступает в ее колени, и замечательно то, что последняя в ходе своем наблюдает тот же порядок, какой наблюдала первая, несмотря на различие их характеров. И та, и другая сходны в первых своих проявлениях [21. С. 138].

Верность христианским истинам и отстаивание консервативных взглядов в ситуации безвластия и гибельного хаоса – то, к чему Жуковский придет позднее, наблюдая положение в Германии 1840-х гг. – определяют размышления фрейлины в посланиях из Швейцарии начала 1830-х гг. Слова Вильдермет как будто предваряют позднюю прозу Жуковского. Следующий объемный фрагмент из ее письма дает основание предположить, что русский поэт совсем не оптимистично принял изменения, происходившие в Швейцарии в начале 1830-х гг. Продолжая его размышления, фрейлина

убедительно развивает собственную «философию фонаря», рассуждая о надежде и добре, которые организуют мир вопреки всем революциям, но не находят места в современном обществе: «Я восхищалась Вашей поэтической душой, выразившейся в двух письмах, которые Вы мне прислали. Темными цветами Вы написали свою картину. Вы сделали из нее совершенного Рембранта. К счастью, для пугающей вселенной остается еще один фонарь, и этот фонарь, не полностью освещающий картину, каждому предоставляет возможность по собственной воле увидеть источник света. Тени положительно есть, значит, и источник света тоже... но где в точности он расположился, и куда упадут тени? Вот большой духовный вопрос, который обсуждается сейчас. Я не думаю, что свет будет на большом древе свободы, нависшем над Европой. Подобная свобода, которую задумали столько угнетенных, о которой мечтали столько пылких людей, которую провозглашали столько воспротивившиеся умы, не совместима ни с человеческой судьбой на земле, ни с богатыми возможностями всеобщего совершенствования. Вы говорите, что мир становится лучше, я с Вами соглашусь в том, что знание его растет, но это плоды запрещенного древа, из-за которых изгнали из рая. Знания, которые господствуют сейчас, не делают мир ни лучше, ни счастливее. Это не только сила деспотизма, который хочет высвободиться. Это сила, необходимая любой власти, которая представляется в типичной республиканской, монархической или абсолютистской форме, она приводит в смятение и больше не вызывает уважения. <нрзб.> Земля скоро станет кладбищем, где будут видны скелеты того, что прикрывает славное имя... полнокровия, свобода, господство народа, нивелирование всех социальных различий похожи на эфемерных насекомых, которые живут и умирают в один день. Они не оставят следов после себя, потому что у них нет правды. Правда проста, даже <нрзбр.>, и из опыта многих веков Вы можете увидеть, как злоупотребления правительства, а не их форма порождают зло, что это недостатки и слабости людей, удостоенных какой-либо властью, а не места, которые они занимают, делают из них тиранов, кроме того истина гласит, что никакой механизм правительства, называемый конституцией, не сможет держаться на ногах самостоятельно и что законы страны или система, по которой ее заставляют действовать, не могут самостоятельно держаться на ногах без помощи людей непоколебимых, просвещенных и преданных. Или эти люди представляют наименьшее число из великого большинства, а вся остальная масса занята тем, чтобы разрушить то, что это меньшинство старается сохранить? Сейчас повсюду хотят чего-то большего, чем добро, однако сам мир и вещи, как они есть, уже заключают его в себе. Мы хотим лучшего, но не ведаем истинного пути...» [16. Л. 180б.].

Похожие предупреждающие апокалиптические мотивы вкуче с мирозидительным настроением, надеждой на миссию России реализуются во многих русских и немецких статьях Жуковского конца 1840 – нач. 1850-хх гг. Ср.: «Какая цель теперешних реформаторов – я говорю о тех, которые искренне желают лучше-

го, искренно веруют в действительность и благотворность своих умозрений – какая цель теперешних реформаторов, вступающих в тот же путь, которым шли их предшественники (а куда привел этот путь, мы видели с содроганием, и знаем, что желанное лучшее на нем нигде не встретилось); какая цель теперешних реформаторов? Этого и сами они ясно не видят. Весьма вероятно, что многие из них сами себя обманывают и, идя вперед с знаменами, на которых сияют слова нашего века: вперед, свобода, развитие, человечество, сами уверены, что путь их ведет прямо в обетованную землю. И, может быть, суждено им, как и многим из их предшественников, содрогнуться на краю или на дне той бездны, которая скоро под их ногами разверзнется. Позади сих проповедников образования и движения, действующих открыто, действуют потаенно, по их указаниям, другие, уже не ослепленные, с целью практической, которую ясно пред собою видят: для них дело идет уже не о преобразовании политическом, не о разрушении привилегий и вековых созданий исторических (это уже совершено первой революцией), а просто об уничтожении различия между твоей и мой, или, правильнее сказать, о превращении твоего в мое. <...> Это всеобщее отвержение всякой святости называется теперь свободой, движением вперед, торжеством человечества, освобождением разума» [21. С. 140].

И так же, как Жуковский в 1840-е гг. уповает на Бога, видит действительное спасение миропорядка в непоколебимости Российской Империи, сохраняет единственную надежду «на самобытность России, которая во всей своей силе может отделиться от Запада и стоять твердо за свою стеною», Вильдермет в начале 1830-х находит разрешение острых европейских социально-политических проблем в своем райском уголке, в родной

Швейцарии. Ее рассуждения о катастрофичности исторического развития в современной Европе венчает следующая картина: «Я дышу этим чистым и живительным воздухом, я созерцаю эти восхитительные картины чудесной, всегда прекрасной природы, потому что люди, которые могут все испортить в моральном отношении, не могут никак повлиять на скалы, озера и долины и что, несмотря на все волнения политического мира, горный вид – все тот же. Невозможно Вам описать невероятное очарование жизни в швейцарской деревне. Можно ее изображать или точно описывать, но недостаточно слов, чтобы сказать, насколько прекрасно это единение с интимностью души, полностью безразличной к интересам мира, и этот вид счастья так редок. Такое согласие интимности души с внешней стороной положения случается редко» [16. Л. 10].

В письмах М.М. Вильдермет к В.А. Жуковскому реализуются важнейшие для романтизма концепты «своего» и «чужого», образы России и Швейцарии, связанные с русской императорской фамилией и восприятием революционного движения. Размышления старшей коллеги созвучны мотивам поздней прозы Жуковского. Диалог фрейлины с поэтом о социально-политических и гуманитарных изменениях в Европе 1830-х гг. задает вполне определенную точку зрения, которую Жуковский станет активно отстаивать в Германии 1840-х. Характер образности и риторические приемы проанализированных посланий Вильдермет напрямую интертекстуально связаны с немецким миром позднего Жуковского. Их переписка представляет собой пример романтического сотворчества, измерения, в котором рождались и развивались мировоззренческие основы и характерные художественные приемы Жуковского-мыслителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилевский Р.Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII–XIX вв. Л., 1984.
2. Медер Э. Частная школа шорихского пастора Иоганна фон Муральта // Швейцария в Петербурге. СПб., 2002.
3. Павлова М.К. Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж. Жизнь и судьба. СПб., 2010.
4. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 2004. Т. 13.
5. Несколько писем Иоанна Миллера к Карлу Бонстеттену // Вестник Европы. 1810. № 16. С. 263–285.
6. Отрывки из писем Миллера к Бонстеттену // Вестник Европы. 1811. № 6. С. 83–100.
7. Фелленберг и Песталоцци (Отрывок письма из Швейцарии) // Вестник Европы. 1808. № 23. С. 185–197.
8. Данилевский Р.Ю. Взаимосвязи России и Швейцарии с точки зрения имагологии // Россия и Швейцария: развитие научных и культурных связей (По материалам двусторонних коллоквиумов историков России и Швейцарии). М., 1995.
9. Из альбомов императрицы Александры Федоровны. Интернет-ресурс: Литература и жизнь. URL: http://dugward.ru/library/nikolay1/alexandra_feod_album.html#pguk (код доступа: свободный; дата обращения: 07.06.2013 г.).
10. Смирнова-Россет А.О. Из «Воспоминаний о Жуковском и Пушкине» // Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. 2.
11. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 1999. Т. 2.
12. Письмо В.А. Жуковского к вел. кн. Марии Николаевне от 24 июня 1838 г. // Русский архив. 1885. № 3.
13. Gerhardt D. Aus deutschen Erinnerungen an Žukovskij, mit einigen Exkursen // Orbis Scriptus: Festschrift für Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966. S. 245–313.
14. Письмо В.А. Жуковского к вел.кн. Александре Федоровне к от 1 (13) мая 1840 г. (Дармштадт) // Алексеев М.П. Томас Мур и русские писатели XIX в. М., 1982.
15. Brang P. Ein Dichter-Maler in der Schweiz. Žukovskijs Reisen von 1821, 1832/33 und 1849 // Fakten und Fabeln. Schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18. bis zum 20. Jahrhundert. Basel und Frankfurt am Main, 1991.
16. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 286. Оп. 2. № 224. Письма М.М. Вильдермет к В.А. Жуковскому на французском языке.
17. Соловьев Н.В. История одной жизни: А.А. Воейкова – «Светлана». Пг., 1915.
18. Завещание В.А. Жуковского 1831 г. (Вступительная статья и публикация Л.Е. Мисайлиди) // Пушкин и его современники: сборник научных трудов. СПб., 2009. Вып. 5 (44).
19. Грезы юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны 1825–1846. 1837 год. URL: http://dugward.ru/library/olga_nick.html (код доступа: свободный; дата обращения: 17.06.2013 г.).
20. Лебедева О.Б. Неопубликованные письма Жуковского 1827–1835 гг. (письма великой княгине Елене Павловне, императрице Александре Федоровне и фрейлине Ц.А. Вильдермет) // Жуковский: Исследования и материалы. Томск: Изд-во Томского университета, 2013. Вып. 2. С. 495–546.
21. Жуковский В.А. Что будет? // Полн. собр. соч.: в 12 т. / под ред., с биогр. очерком и примеч. проф. А.С. Архангельского. СПб., 1902. Т. 10.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 июля 2013 г.